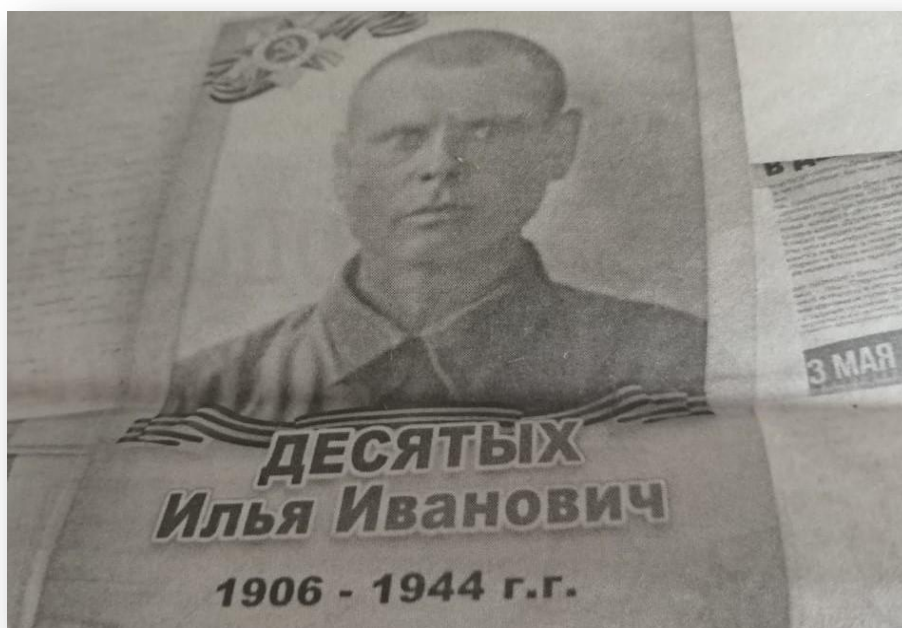

**Муниципальное бюджетное учреждение «Библиотека»
Отдел библиотечного обслуживания № 23**

Творческая работа «Семейный альбом»

Составил:
Десятых Иван Ильич
Куратор:
Учаева О.В.,
библиотекарь ОБО №23
с. Новосёлово, ул. Центральная, 11/2
Тел.89521751325

с. Новосёлово
2020 г.

В Сибири не рвались снаряды Великой Отечественной войны, не горели танки, не падали подбитые самолёты, неслышно было топота немецких кованых сапог, не горели деревни и города, сараи и амбары, набитые до отказа детьми и стариками. Но народ в Сибири, как и во всём Советском Союзе, хватил военного лиха по полной. Вся страна жила под лозунгом: «Всё для фронта, всё для Победы!». Как выжили – одному только богу известно...

Предки моей семьи были выходцами из России, как тогда говорили. Дед мой по отцовской линии Десятых Иван Аксёнович переселился в Алтайский край из Тамбовской губернии в поисках свободных земель. Такая же судьба и у деда по материнской линии – Кабышева Егора Ивановича и его жены Кабышевой Аксины (Гарпыны). Она была с Украины, из Полтавской губернии. Бабушка Аксины говорила на украинском языке. Так же на украинском языке говорила и моя мама Анна Егоровна. На Алтае эти семьи и познакомились. Семьи были многодетными – в каждой по семь детей. Отец мой Десятых Илья Иванович был женат на Кабышевой (в браке Десятых) Анне Егоровне. Люди были работающие, трудолюбивые. Занимались хлебопашеством, держали лошадей, коров, кур, гусей и другой скот.

Грянули 30-е годы – раскулачивание. Сплошная коллективизация, колхозы. Все добро было отобрано, хозяйство разорено – людей сослали в глухую Сибирь. Наша семья оказалась в Чаинском районе Томской области на берегу болотистой речки Чемондаевки – в четырех километрах от старинного села Леботёр. Люди были брошены на произвол судьбы – выживать. В нашей семье было уже трое детей - я третий, 1931 г.р. Мне не было ещё и года. Не дали даже оформить документы о рождении, их оформляли уже в Леботёре, а это значит, что я родился в Васильевке, так называли деревню, образованную спецпереселенцами. «Спецами» называли нас, а ещё кулаками, врагами народа.

Много рассказано о судьбе репрессированных. Их считали людьми второго сорта. Сколько их погибло в «телячьих вагонах», в «баржах смерти». Мы выжили все. Строили сначала шалаши, землянки, потом уже стали строить дома. К началу войны за десять лет силами людей - тружеников Васильевка превратилась в добротную деревню. Было образовано два колхоза. Построены начальная школа, клуб. Была в деревне сапожная мастерская, ветряная мельница – гордость села, а затем и водяная на речке Чемондаевке. Но жизнь легкой назвать нельзя: работали от зари до зари. Оплата была трудоднями (их называли палочками), которые в конце года оплачивались зерном, мукой. Люди жили своим подсобным хозяйством, но налоги были громадные. Приходилось сдавать молоко, мясо, яйца и другие продукты. Каждому хозяйству выдавалось извещение, где прописывали, сколько и чего сдать. Интересная была арифметика: если ты держишь овцу, то сдать должен полторы овчины и т.д. Надзор за спецпереселенцами был строгий, ежедневный, еженедельный. Были введены книжки колхозника, где отмечались рабочие дни и ежедневная выработка в трудностях. Комендант спецкомендатуры еженедельно проверял эти книжки и брал подписи у «спецов», но люди жили и трудились.

...Грянул 1941 год. О войне в нашей деревне узнали на третий день. В конторе колхоза был радиоприемник – тарелка, она принесла эту страшную

весть. Жизнь в деревне сразу изменилась: люди помрачнели, заволновались. Мне было десять лет. Я всё хорошо помню. В первый год «спецов» на фронт не брали. Отец мой Илья Иванович всю зиму 1941- 1942 гг. проработал на лесозаготовках в Чалкове Колпашевского района на колхозных лошадях. Летом 1942 года Гитлер подбирался уже к Москве и Ленинграду. Вспомнили о спецпереселенцах. Всё население призывного возраста было мобилизовано – остались женщины, старики и дети.

*Я помню место за деревней
нашей,*

дорогу ту, что шла за горизонт.

*Где по пыли на бричках
и телегах*

*Отцов и братьев провожали
мы на фронт.*

На фронт забрали лучших лошадей, брички, телеги. Но нужно было жить. На культстаны перебрались мы – дети. Мы сразу повзрослели. Пахать и сеять нас учили старики. К нашей непростой материальной жизни прибавилась еще одна проблема: в 1942 году к нам в деревню были сосланы немцы Поволжья, эстонцы, латыши. С ними надо было делиться нашими скромными продуктовыми запасами. Делились, чем могли, никто не роптал. Надзор за людьми усилился, в деревне появились «уполномоченные». Их-то колхозники кормили – мясо, масло, яйца им выдавались. Эти уполномоченные, ничего не понимая в сельском хозяйстве, вмешивались в жизнь колхоза и диктовали, когда сеять, когда жать. Ох и трудно было! Приходилось бороться даже на коровах.

*...Мы были слабы
и бессильны,*

*мешки с зерном
поднять мы не могли,
и матери нам столько*

*насыпали,
чтобы подняли
и до брички донесли.*

Опишу один случай. Надо было везти зерно на заготпункт на пристань в с. Коломино. Это в 30 км от Васильевки. Кроме меня, везти зерно было некому. Пытались уговорить уполномоченного, чтобы эту работу выполнить завтра с утра, да и зерно было не совсем сухое. «Нет! Он поедет сегодня в ночь! Родина ждёт зерно. Вы что здесь саботировать собрались?». Я поехал – мальчишка 13 лет. Дорога была проселочная, после дождя. Лошадь старая, хроменькая. Кличка Бобчик. На пути была огромная лужа – полметра глубиной. Зашёл мой Бобчик в эту лужу и встал. Что делать? Никакие понукания не помогают. По оглоблям телеги я залез на него верхом и кое-как мы выехали из этой лужи. Приехал я в Коломино к утру. Путь к реке – высокая гора. Лошадёнка слабая, не удержит телегу. Пришлось затормозить все четыре колеса, так добрались до заготзерна, а там зерно моё не принимают – сырое, везти обратно. Я в растерянности... Хорошо, люди оказались добрые и мудрые: вот тебе палатка, высыпай зерно и суши до вечера. К счастью, не было дождя. К вечеру зерно моё приняли. В колхозе забеспокоились: где пропал мальчишка? Я вернулся через сутки, всё завершилось благополучно.

Жизнь продолжалась. С фронта шли неутешительные вести – всё больше похоронки. Шли письма и от оставшихся в живых. Солдатские треугольники были с грифом «Просмотрено военной цензурой». Присылал письма и наш Илья Иванович, мечтал о послевоенной мирной жизни. Из всех, взятых на фронт мужчин нашей деревни, вернулись только трое. Все инвалиды. Один из них - мой двоюродный брат Десятых Иван Андреевич 1923 г.р. Нашей семье пришло извещение, что наш отец пропал без вести. Это была какая-то унижительная категория. Я помню, представитель «органов» дознавался у матери, не прячется ли отец где-нибудь в лесах? До сих пор я не знаю, где находится могила моего отца, но факт гибели его на фронте

признан. О месте гибели отца рассказал нам его племянник, тот, который по счастливой случайности вернулся с фронта живым. Он воевал вместе с моим отцом под Ленинградом и участвовал в боях за Синявские высоты. Где-то в Синявских болотах покоятся останки моего отца, как и многих других воинов, геройски защищавших Ленинград. Из моих близких родственников погибли ещё два брата отца: Павел Иванович – под Москвой и Андрей Иванович под Сталинградом. Учёба моя во время войны прервалась. Продолжить её смог в 1944 – 45 учебном году.

Старшая сестра Таисья (1926 г.р.) работала в колхозе на колёсном тракторе, окончив Колпашевскую с/х школу механизаторов. До сих пор удивляюсь, как такая хрупкая девчонка управляла такой несовершенной машиной. Чтобы завести такой трактор, надо прокрутить коленвал рукояткой. Требовало это недюжинной силы. Работала днём и ночью, в слякоть и морозы. Брат Василий трудился на лесозаготовках. Мама дояркой в колхозе. День Победы я встретил учеником пятого класса Коломино – Гривской неполной средней школы. На занятия мы ходили каждый день за 4 километра.

В школе был радиоприёмник. Пришло сообщение из эфира: «Победа!». Директор школы созвал общешкольную линейку, поздравил нас с Днём Победы и распустил по домам.

Мы пришли домой раньше. Почему? Победа! Родители и верят, и не верят. И радость, и ликование, и слёзы... Не дай бог, чтобы такое повторилось ещё!